

отметил некоторые черты его сходства и различия с житием Аввакума. Исследователь высказал мнение, что Епифаний как писатель не был учеником Аввакума, а, напротив, сам послужил образцом для него. Решение этого вопроса, как нам кажется, требует дополнительного исследования. Епифаний, как известно, побуждал Аввакума к автобиографическому творчеству и, поскольку первая редакция его жития была написана еще до их знакомства, мог служить в этом отношении примером для Аввакума. Но вопрос о литературных связях этих писателей нам представляется более сложным, так как художественные принципы их автобиографизма оказываются во многом противоположными.⁸

Большой интерес вызывают замечания С. А. Зеньковского об элементах автобиографического повествования в составе житийной литературы, особенно в житиях севернорусских подвижников, а также о той предполагаемой преемственности, которая могла существовать между автобиографическими фрагментами Елеазара Анзерского, Мартирия Зеленецкого и житием Епифания. К сожалению, эти наблюдения имеют скорее обзорно-библиографический, чем историко-литературный характер.

Названные работы уже создали предпосылки для того, чтобы сделать предметом отдельного изучения житие Епифания как ранний опыт дидактической литературной автобиографии, тем более что созданные писателем принципы и приемы автобиографического повествования специальному исследованию в них не подвергались, а проблема автобиографизма как определенного комплекса литературных средств для изображения жизни человека и его внутреннего мира вообще не ставилась. Методика исследования проблемы автобиографизма в древнерусской литературе еще не определилась, но она подсказывается в данном случае особенностями самого материала. Следует попытаться выявить и объяснить то новое, что внес автор в свое повествование по сравнению с традиционной системой агиографии. В соответствии с этим в первой части работы мы рассмотрим те литературные приемы, при помощи которых автор описывает свою личность и достигает доступного ему условно-схематического раскрытия своих переживаний.⁹

* *
*

Внутренняя или душевная жизнь Епифания и по содержанию своему, и по форме литературного изображения существенно отличалась от того, что свойственно этим понятиям и формам применительно к литературе нового времени.¹⁰ Она в значительной мере определялась и ограничивалась влиянием на него окружающей социальной среды и специфическими условиями его корпоративной монашеской принадлежности. Психология Епифания оставалась в плену средневековой христианской фантастики, крайне обостренной его отшельничеством, аскезой и мученичеством. Будучи еще пустынноником, он постоянно погружался в мир религиозных грез и душевных конфликтов, исполненных столкновений абстрактных сил зла и добра, земли и неба, временного и вечного. В пустозерской темнице эти конфликты усугубились благодаря тому обстоятельству, что теперь они оказа-

⁸ Вопрос о соотношении принципов автобиографизма у Аввакума и Епифания рассмотрен нами в отдельной работе, сообщенной в виде доклада на Третьем Всесоюзном совещании по древнерусской литературе 14 мая 1957 г. в Ленинграде.

⁹ Во второй части работы, которую мы надеемся опубликовать в т. XVI ТОДРЛ, дается анализ идейного содержания и композиции автобиографии Епифания, а также очерк его мировоззрения и деятельности.

¹⁰ С учетом этого обстоятельства должна оцениваться и применяемая нами литературоведческая терминология.